

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 503-514
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.503

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Daily Routine of Prisoners of War of the World War I in the Conditions of Asian Russia

Erlan B. Sydykov ^a, Duman R. Aitmagambetov ^a, Al'bina S. Zhanbosinova ^{a,*}, Erlan E. Sailaubay ^a

^a Lev Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract

In the article, the authors view the issues of the history of the World War I, namely the stories associated with the deployment of prisoners of war of the German and Austro-Hungarian armies in Asian Russia, within the administrative-territorial boundaries of the Steppe, Turkestan General Governorship. Based on archival materials from the funds of the Central State Archives of Kazakhstan the special state archive of the Police Department introduces new facts that allow us to view the daily routine of prisoners of war, the resolving of social and housing issues, as well as placement and employment, including fragments of oral history that demonstrate how the prisoners of war themselves perceived the captivity, and the photographs discovered accidentally reveal previously unknown facts of visual history.

Despite their deployment on the territory of Steppe and Turkestan Governorate-General of the Russian Empire, the issue of prisoners of war of the World War I did not receive an active research impetus due to a larger event, such as the national liberation movement of 1916. The work provides statistical data on prisoners of war placed in the specified territory, including the cities. Problems with accommodation of arriving prisoners of war and their resolution have been viewed, along with internal contradictions and confrontation among prisoners of war on the basis of ethnicization and the formation of a "Slavic community of prisoners of war" not without the help of public organizations of the Russian Empire.

The authors revealed the structures of the everyday life of prisoners of war, showing the everyday concerns of captured officers and enlisted personnel. The military situation determined special conditions and legal norms in relation to the rules of residence and employment of prisoners of war, the regulation of which was controlled by additionally adopted orders and instructions of the governor-general. It should be noted that the everyday life of prisoners of war has been viewed through the prism of interaction with the host society, where patriotism was intertwined with empathy and support for arriving prisoners of war.

Keywords: World War I, prisoners of war, Kazakhstan, Central Asia, everyday life, adaptation practices.

1. Введение

Первая мировая война стала первым масштабным военным конфликтом начала XX века в соотношении со статистическими данными участников, погибших и военнопленных. Историческое содержание войны с клеймом «империалистическая» на фоне бурных событий октября 1917 года и последующей социалистической модернизации незаслуженно осталось вне плана глубоких научных исследований. Кардинальные преобразования и духовная перезагрузка российского общества на рубеже XX–XXI веков сподвигли историков взглянуть на проблематику Первой мировой войны с новых методологических концептов. Результатом научных изысканий по истории Первой мировой войны стали новые исследовательские сюжеты, такие как персональная история российского генералитета; экономические, общественно-политические, этнонациональные, этноконфессиональные процессы;

* Corresponding author

E-mail addresses: sovetuk@rambler.ru (A. Zhanbosinova), rector@enu.kz (E. Sydykov), dumanad@mail.ru (D. Aitmagambetov), alashorda100@mail.ru (E. Sailaubay)

гендерная проблематика; роль и место национальных окраин; военный плен и военнопленные и т.д. Война – это не только военные действия, ее многомерная матрица структурировала объемную информацию, сохранив подоплеку всех исторических событий, в том числе и опыт военного плена немецких и австро-венгерских военнопленных в Азиатской России.

Актуальность предложенного исследования видится в изучении истории повседневности немецких и австро-венгерских военнопленных в условиях военного плена в административно-территориальных линиях Российской империи на рубеже XIX–XX вв. – Степного, Туркестанского генерал-губернаторств.

2. Материалы и методы

Эмпирическую основу статьи составили выявленные авторами архивные документы Центрального государственного архива РК, отложившиеся в фонде Переселенческого дела, раскрывающие вопросы пребывания военнопленных Первой мировой войны на территории Степного и Туркестанского генерал-губернаторств. Отдельные документальные факты указанных источников впервые вводятся в научный оборот, а именно статистические данные, фрагменты устной истории из переписки военнопленных, описание жилищного пространства офицерского состава военнопленных и др. Впервые введены в научный оборот архивные данные Специального государственного архива, где были обнаружены визуальные источники, а также рассказанные самими военнопленными факты о попадании в плен и пребывании на территории Семипалатинской губернии. Отметим наличие нормативно-регламентирующей документации об отпуске военнопленных для работ в частной промышленности, отложившейся в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

Методологические концепты «Новой исторической науки», а именно междисциплинарное разнообразие, позволили расширить исследовательское поле Первой мировой войны, взглянуть и оценить не только события в фокусе тотальной истории, но и рассмотреть микроисторию ее участников, их повседневные адаптационные практики жизнеобеспечения. В предложенном исследовательском проекте авторы опираются на концепты тотальной истории (Блок, 1986; Бродель, 1986), конструирования социальной реальности (Бергер, Лукман, 1995), микроистории (Людтке, 1999; Гинзбург, 1996; Гинзбург, 2000). В частности, в фокусе анализа архивных источников, выделены социальные структуры повседневной обыденности военнопленных: например, ежедневные жизненные практики, трудовая деятельность, регламентация личного пространства, ограниченного статусом военнопленных и пр., что обеспечивало их повседневные потребности. Методологический инструментарий в совокупности с архивными материалами, с учетом уже известных источников, позволил показать экстремальность повседневного выживания военнопленных в условиях Азиатской России.

По большому счету, повседневные практики военнопленных составляют социально-практический опыт адаптации, процесс перехода из статуса солдата/офицера немецкой и австро-венгерской армий в статус попавшего в плен российской армии. Для решения поставленных задач авторы опирались на общенаучные методы, в том числе сравнительно-исторический, историко-типологический. Предложенное исследование базировалось на принципах историзма и научной объективности.

3. Обсуждение

На текущем этапе вопросы истории военнопленных Первой мировой войны – одни из самых активно разрабатываемых в Российской Федерации и практически не изученных в Казахстане и Центральной Азии. Справедливый упрек прозвучал из уст известного исследователя Т. Котюковой в 2017 г.: «За последние 100 лет история пребывания военнопленных армий стран Четверного союза в годы Первой мировой войны в Туркестане, а это территория свыше 1 млн км², как самостоятельная исследовательская задача не удостоилась внимания ни советских и российских историков, ни историков независимых центральноазиатских государств СНГ, ни иностранных коллег» (Котюкова, 2017: 47). И не удивительно, что тема военнопленных не стала предметом исследования. Предполагаем, что на фоне истории национально-освободительного движения 1916 года, как следствие принятого Указа от 25 июня 1916 года о «Реквизиции инородцев Средней. Азии и Казахстана на тыловые работы», военнопленная тематика не вызвала особого интереса, в ней не увидели научную проблему. Все события хронологического отрезка 1914–1918 гг. рассматривались в фокусе национальной и революционной проблематики.

В работе таджикского историка Ш. Джалилова на основе архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, показано прибытие, размещение и трудоустройство военнопленных в Ходжентском уезде Туркестанского генерал-губернаторства (Джалилов, 2006).

Казахстанский исследователь Г.М. Мендикулова не только реконструировала историю пребывания в Семиречье партии военнопленных германской и австро-венгерской армий, но и продемонстрировала визуальную историю, впервые представив фотографии повседневного быта военнопленных. Автор верно подметила, что «тема требует дальнейшего исследования для восстановления более полной и детальной

картины взаимодействия, взаимовлияния представителей разных народов, которые оказали уникальное влияние на ход казахстанской истории» (Мендикулова, 2018).

За последние два десятилетия XXI века опубликовано и защищено колоссальное количество работ, посвященных истории военнопленных Первой мировой войны. Мы не ставили задачу полного историографического обзора проблемы, но вместе с тем есть публикации, на которых следует заострить внимание. Территориально-географическая среда обусловила появление славянского сообщества, сформированного военнопленными немецкой и австро-венгерской армий, находившимися на территории Российской империи. В какой-то степени искусственно созданная организация напомнила «воображаемое сообщество» Б. Андерсона (Андерсон, 2001). У включенных в славянское сообщество возникли проблемы с идентификацией языка и национальности, что вызвало в итоге хаос (Нахтигаль, 2014). Процесс «этнизации плена», формирование специальных национальных подразделений военнопленных, не соответствовал их ощущениям, а учитывая, что как таковых особых льгот у них не было, кроме варианта удлинненных прогулок, т.н. «славяне» высказывали решительное недовольство. Корни «национального ранжирования» по отношению к военнопленным, по мнению Н. Суржиковой, следует искать в необъятных просторах Российской многонациональной империи (Суржикова, 2012: 248).

Вопросы содержания военнопленных, условно разделенных на своих и «чужих», были затронуты многими исследователями, указывалось неоднозначное отношение властей к военнопленным, имевшим славянское и не славянское происхождение (Ниманов, 2009: 53); подтверждалась неготовность регионов к славянизации военнопленных (Суржикова, 2012), созданию максимально комфортных условиях военнопленным при выборе жилья, наличию «тепла и уюта» (Бодров, 2014) и пр.

Все публикации, посвященные тематике плена, объединяет междисциплинарный подход, за масштабными эпохальными событиями исследователи пытаются увидеть судьбу «маленького человека», оказавшегося в горниле военных действий, затем попавшего в плен, т.е. мы наблюдаем антропологизацию проблемы истории повседневности (Мендикулова, 2018; Соза, 2017; Суржикова, 2015), правовой аспект плена (Цветков, 2016).

Вопросы выявления суммарной численности военнопленных, учитывая их региональное размещение, достаточно сложный процесс, но вместе с тем есть общая информация, которая прозвучала в трудах отдельных авторов, затронувших прямо или косвенно вопросы предложенной темы, в том числе и трудовое использование военнопленных, этнодемографический анализ и пр. В частности, вопросы национального облика австро-венгерской армии и сопутствующие идентификационные процессы вставших под ружье и попавших в плен с глубоким их анализом прозвучали во многих работах (Шапошников, 1929; Сенявская, 2009; Рокина, 2017; Нахтигаль, 2014; Джалилов, 2006; Кротт, 2011).

Историографический анализ проблемы демонстрирует ее актуальность и значимость. Многогранность военного плена в условиях Российской империи обусловила разнообразие исследовательских сюжетов, сюда же можно отнести эпохальность событий 1917 года и идеологизацию фокуса оценки исторического прошлого.

Ввиду того что данная тема практически не получила освещения в казахстанской и среднеазиатской историографии, что отмечено Т. Котюковой, а также наличие военнопленных в прошлом на территории Азиатской России и отсутствие исследований обусловили авторов обратиться к проблематике повседневного бытия военнопленных Первой мировой войны.

4. Результаты

Глобальный военный конфликт обусловил трансформацию не только понятия, но и содержания статуса «военнопленный».

Национальный состав Австро-Венгрии состоял из немцев, венгров, чехов, словаков, сербов, мадьяр, поляков, итальянцев, русинов. Учитывая этническую палитру государства, армия Австро-Венгрии имела некий национальный облик, из общего числа 102 пехотных полков – 35 были славянских, 12 немецких, 12 венгерских и 3 румынских, остальные полки были смешанного состава (Шапошников, 1929). За годы войны под ружье в Австро-Венгрии было поставлено 8 млн чел. при населении в 51 млн (Сенявская, 2009).

По приблизительным подсчетам в Российской империи общая численность военнопленных Германии и Австро-Венгрии составляла около 2 млн 400 тысяч человек, по одним источникам, представлявших «пестрый этнический конгломерат» (Рокина, 2017: 13), 2 млн 100 тысяч австро-венгерских военнопленных, 170 000 немецких – по другим (Нахтигаль, 2014: 143).

Россия числилась второй по значимости «державой в плену державой», с конца 1915 г. численность военнопленных с 1 млн к октябрю 1917 г. выросла до 2,4 млн. Для размещения на территории Сибири и Центральной Азии были дополнительно предусмотрены поселения для нескольких десятков тысяч военнопленных (Нахтигаль, 2014: 148). Например, в Туркестанское генерал-губернаторство было отправлено около 150 тысяч военнопленных, в Сибирь более 200 тысяч.

Согласно документам, прибывшие военнопленные представляли собой жалкое зрелище: они были истощены, раздеты и разуты (Джалилов, 2002: 60)

Правовой статус военнопленных Первой мировой войны определяло положение «О военнопленных» от 7(20) октября 1914 г. На основе указанного документа Российская империя разработала внутренние нормативы, особый комплекс документов, регламентирующий права и обязанности военнопленных на территории России, включая их трудоустройство, условия содержания и материальное обеспечение (Цветков, 2016: 21).

Первые потоки военнопленных начали прибывать в 1914 году, что подтверждается датами пленения: например, А. Томаш попал в плен 13 ноября 1914 года, по его словам, в этот день в плен попало около 2 000 немецких солдат. Всех отправили на Дальний Восток (станция Березовка), около 2,5 лет он пробыл в лагерях (до середины 1916 г.), после чего эшелон военнопленных был направлен на Анжерские угольные копи (Кузбасс, Анжеро-Суженск), где пробыл около двух лет, до 1917 года (СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 419). Г. Лиц вместе с другими военнопленными был отправлен в Красноярск. В это время там находилось около 20 000 военнопленных, включая австрийцев и мадьяр (СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1457). Практически всех их отправили на восток в районы Сибири, Урала, Туркестана (Рокина, 2017). В общем информационном потоке военнопленными упоминаются Киев, Пермь, Челябинск, Пенза, Самара, Барнаул, Иркутск, Верхнеудинское, Троицкое, Ачинск, Омск, Тобольск, Томск, Петропавловск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск и т.д., в которых они побывали, вплоть до Дальнего Востока. Можем предположить, что не все города могли быть озвучены. Прибытие военнопленных на территорию Российской империи, в том числе Сибирь и Центральную Азию, обусловили социальные и экономические проблемы. Как верно подметила Н. Суржикова, военнопленные оказались делом «хлопотным и затратным» (Суржикова, 2015: 220). Помимо прямых затрат на содержание военнопленных, потребовались финансовые вливания на возмещение хозяевам ущерба за испорченное имущество, как это произошло в здании Семипалатинской сельскохозяйственной школы, что в Заречной Слободке, где были помещены пленные австрийцы более тысячи человек. Они хозяйничали в здании, поломали кольца, замки в шкафах с книгами, разбросали и перерыли все книги в шкафу, некоторые совсем унесли, взломали замки в шкафах с переплетными и столярными инструментами, некоторые инструменты взяли. Поломали забор при скотном дворе и уничтожили деревья (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 22).

Учитывая демографический рост военнопленных, особую сложность вызвали вопросы размещения, в том числе раздельного – офицерского и рядового состава. Согласно статистическим данным о размещении военнопленных, в сельской местности проживало 53 %, или 69 206 человек, в городской – 47 %, или 61 217 человек. В городе Акмолинске для размещения военнопленных были подготовлены помещения на 120 человек, на случай прибытия большего числа военнопленных имелся запас квартир (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 1, 6). Вопросы с помещениями на местах решали, как могли, дополнительно были выделены бывшее помещение переселенческого пункта, даже скотобойни и хлебопекарни для 800 военнопленных, оборудованные нарами

При распределении военнопленных, в Петропавловск направили 2 200 человек, это при общей численности городского населения 47 000 человек на 1914 год. Согласно источникам, Петропавловск готовился к встрече с военнопленными, подготовив два дома с возможностью размещения до 100 человек, дополнительно было подготовлено помещение барака переселенческого пункта до 1 000 человек и отдельно для 75 офицеров два частных дома. Нехватка помещений вынудила в районе Петропавловска построить около 15 концентрационных лагерей (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 4, 6).

В Омске подготовлено 97 отдельных квартир, в которых могли разместиться до 1 716 военнопленных, а также казармы. В Омск было направлено до 5 000 военнопленных, хотя, по данным 1914 года, в городе находилось до 20 000 военнопленных, в 1915 году в Зайсане, Павлодаре, Усть-Каменогорске, Семипалатинске насчитывалось до 7 490 человек, в Акмолинской области до 8 612 (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 5, 113-114).

Военнопленных расквартировывали, как могли, например, в Туркестанском генерал-губернаторстве их располагали при военных гарнизонах, порой срочно созданных лагерях и пр. Расходы по их содержанию росли в геометрической прогрессии. МВД пыталось разрешить проблемы по расквартированию рассылкой писем губернаторам по предоставляемым помещениям военнопленным. Вместе с тем, по мнению руководства МВД Российской империи, совершенно неверно поступали на местах, когда в отдельных губерниях с целью размещения военнопленных освобождали помещения учебных заведений. Планомерная и непрерывная деятельность учебного заведения, полагало Министерство, является вопросом существенной важности как для населения, так и для поддержания правильного течения государственной жизни. К учебным зданиям следует прибегать лишь в крайнем случае, считал министр. Все вопросы с расквартированием МВД возложило на плечи губернатора или градоначальника, озаботив их выяснением свободного казенного помещения (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 8-9).

В опубликованной статье «В русском плену» газеты «Русское слово» приводились повседневные житейские дела военнопленных офицерского состава (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 251).

В пространстве их обитания можно было наблюдать разбросанные стулья и столы, скопления военнопленных за игрой в шахматы, шашки. В самих же помещениях располагались железные кровати, у каждого офицера было свое ложе с теплым одеялом, безукоризненно чистым бельем и прикроватными полочками, забитыми различными туалетными принадлежностями. Их перечень впечатляет: тут были зубные и ногтевые щетки, мыло, одеколон, фиксатуар, бритвенные принадлежности. Распорядок дня офицерского состава мало напоминает статус военнопленного. Во-первых, офицеры могли спать сколько угодно, но обычно они вставали рано, в 7–8 часов. Утро начиналось с чистки и уборки помещения. Во-вторых, на каждого из трех офицеров приходился один денщик, среди которых встречались отменные мастера парикмахерского дела, т.е. прислуги хватало. В-третьих, за кухню и питание отвечал рядовой состав, прошедший курсы кулинарного искусства. В ежедневное меню входило: завтрак/ужин – чай или кофе с сухарями, хлебом, маслом; обед состоял из двух блюд (суп или борщ, затем жаренное со всякими приправами), по праздникам – сладкий десерт. Офицерам платили жалованье, из которого они оплачивали питание, и были совершенно свободны в выборе меню.

Первая мировая война всколыхнула национальный вопрос, точкой отсчета «стремительной этнизации» военнопленных стало 13 августа 1914 года. В сообщении российского посла А. Извольского во Франции прозвучала идея «неравноценного отношения» к пленным иностранцам в зависимости от их этнической принадлежности. Сообщение А. Извольского было продиктовано поведением Германии, избегавшей «направлять нижних чиновников эльзас-лотарингцев против Франции, а поляков против России» (Суржикова, 2012: 250).

В среде военнопленных национальный вопрос отразился в противостоянии пленных славянской национальности и германских/австрийских немцев, мадьяр. О фактах наличия заметного отчуждения между германскими пленными разных национальностей, а также между военнопленными и всеми остальными свидетельствуют данные, приводимые в исследованиях (Мендикулова, 2018: 1003).

Правительственные циркуляры нацеливали местных губернаторов, командующих военными округами на обособленное размещение указанных этнических групп из-за часто вспыхивающих конфликтов. Прозвучало даже предложение о размещении военнопленных «дружественных нам народностей в более западных районах и во всяком случае не далее Омского округа» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 440б.).

Для стимуляции славянского вопроса 30 октября 1914 года был создано Всероссийское попечительство о пленных славянах с открытием отделений во многих российских городах. Тезис «...славяне – наши друзья из вражеского лагеря» демонстрировал стремление к идеалам славянского мира (Ниманов, 2009: 56).

Министерство иностранных дел Российской империи совместно с Военным министерством, учитывая особый характер Первой мировой войны и отношение к ним славянских народов, решило выработать особую политику к военнопленным славянам всех национальностей, в том числе полякам, эльзас-лотарингцам. Последние оказались в составе как немецкой, так и французской армии. Многие из них, оказавшись на Восточном фронте, попали в плен еще до обращения французского правительства к российской власти о создании благоприятных условий для военнопленных эльзас-лотарингцев (Бодров, 2014).

14 октября 1914 года в места дислокации военнопленных была направлена телеграмма о применении льготных мер в отношении всех дружественно настроенных пленных (славяне, русины, словаки, галичане, чехи, поляки, сербы и эльзас-лотарингцы). В частности, в вопросе расквартирования предлагалось размещать их отдельно и подальше от пунктов проживания германцев, австро-немцев, венгров и других военнопленных, враждебно относящихся к Российской империи. При выборе помещений, говорилось в телеграмме, учитывать наличие удобного расположения, тепла, уюта. Даже в вопросах снабжения предлагалось учитывать интересы военнопленных, выделять им хорошее питание и лучшую одежду.

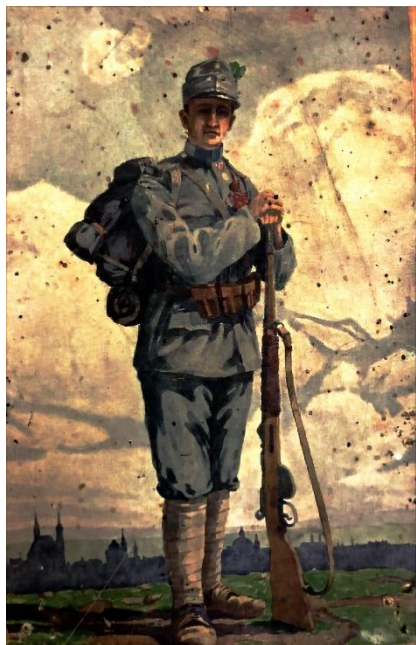
Особое внимание славянским военнопленным уделяли различные общественные организации и союзы, в число которых входили попечительские советы, комитеты Красного Креста. Представители указанной группы оказывали финансово-материальную поддержку, славян освобождали от общественных и казенных работ, они обладали преимуществом свободного перемещения. Любопытно, что у славянских военнопленных было право вступать в ряды специально формируемых для иностранных подданных дружин с целью их участия в военных действиях против Германии и Австрии (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 44). Однако не везде приветствовали славянские группы военнопленных и благоприветствовали им, что было связано не только с экономическим саботажем отдельных промышленных элит, но и вопросами экономической целесообразности. Слишком высоки были финансовые затраты на декларируемые правительством различные послабления славянским военнопленным. К тому же дружественные льготы и допустимые привилегии, получаемые военнопленными не в полном объеме, не особо их радовали (Суржикова, 2012: 252-262).

Обратившись к статистическим данным по военнопленным Омской губернии, можем отметить, что на 28 февраля 1915 года их общая численность составляла 134 679 человек, или 98 %. Общее число

расквартированных, находившихся на излечении военнопленных, составляло 130 477 человек, в том числе относившихся к австрийской армии 125 030, т.е. 95,8 %, к германской армии 5 295 – 4,1 %. Национальный состав распределялся следующим образом: немцы 12 773, или 9,79 %; венгры 12 197, т.е. 9,35 %; турки 347, или 0,27 %; евреи 827 – 0,63 %; славяне 89 015 – 68,22 %; румыны 12 836, или 9,84 %; итальянцы 2 346 – 1,8 %; эльзас-лотарингцы 38, или 0,03 %; прочие 98 – 0,07 % (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 114). Славяне с эльзас-лотарингцами составляли 68 % от общей численности расквартированных и лечившихся военнопленных в Омской губернии.

Несмотря на лояльную сдержанность к военнопленным со стороны местного населения, относившегося к ним как уже поверженным врагам, с одной стороны, с другой – как вынужденному соседству и наемной рабочей силе, случались и «патриотические» эксцессы, что проявилось в убийстве пленного австрийца, имевшего связь с женой солдата, находившегося в зоне боевых действий, женщина была ранена. Муж женщины выразил сожаление, что она не была убита. Крестьянам было послано коллективное письмо от фронтовиков с угрозой покончить со всеми, кто будет иметь дело с австрийцами (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 218).

Впрочем, очень часто в рассылаемых циркулярах напоминалось о тяжелых условиях, в которых содержатся военнопленные российской армии за границей, где даже офицеры были вынуждены заниматься черной работой. Свобода, которой пользовались военнопленные на территории Азиатской России, разгуливая по городу и привлекая внимание обывательниц (а «увлекающиеся особы» посещали квартиры военнопленных), вызывало недовольство. В связи с этим в отношении лиц женского пола предлагалось принять самые строгие меры, «ибо подобное печальное явление – поклонение врагу отечества – ложится пятном на честность русской женщины – матери и сестры тех героев, которые полагают свою жизнь за славу и благоденствие России» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 279об.). Донесение жандармского управления Омского генерал-губернаторства свидетельствует о фактах свободного их перемещения и контактах, как, например, на квартире германской подданной Марии Гарман перед отбытием в концентрационный лагерь проживали семь военнопленных, столовались и работали в международной компании Григория Мирошникова (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 279). Военное положение естественным образом обуславливало определенные ограничения для военнопленных. В ведении командующего войсками Омского военного округа находились вопросы порядка содержания военнопленных, соблюдения ими требований закона и указаний военного начальства. В письменных указаниях офицеру штабс-капитану Кехли, заведовавшему военнопленными, приказывалось держать их в ежовых рукавицах, избегать всяческих послаблений, запрещать их отпуск на частные работы.

а)

б)

в)

г)

Рис. 1. Фото-документы: военнопленные Первой мировой войны на территории Степного генерал-губернаторства: а) лицевая сторона открытки, на обратной «Gunsten der Witwen u. Waisen» – «В пользу вдов и сирот»; б) фото П. Строчицкого 19.09.1914 г.; в) фото П. Строчицкого в плену г. Усть-Каменогорска; г) записная книжка военнопленного, 1915 г.
Источник: СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1349.

Согласно приказу начальника штаба Омского военного округа, в сибирских городах, в том числе и Петропавловске, Акмолинске, Семипалатинске и др., военнопленным запретили посещение общественных собраний и клубов. Причина запрета заключалась в излишней эмоциональной болтливости «русских посетителей», которые «...делятся своими мыслями и впечатлениями на разнообразные темы переживаемых военных и политических событий, о каковых неудобно и не в интересах Русского государства осведомлять наших врагов» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 37). Степной генерал-губернатор, говоря о порядке содержания военнопленных, просил обратить внимание, что они военнопленные, «...а не гости...» и обращаться с ними следует, строго соблюдая законы и указания Российской империи, потребовав «держат их в ежовых рукавицах» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 40)

Повседневный быт, вопросы снабжения военнопленных одеждой ложились на плечи местного воинского начальства, которое ввиду отсутствия свободного обмундирования на складах отклоняло запросы. Военнопленные по прибытии на места дислокации имели довольно-таки неприглядный вид. Вместе с тем нами обнаружены фото-документы бывших военнопленных (СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 1349) (Рисунок 1а, б, в, г).

Большая часть их совершенно не имела обуви, вместо добротных военных сапог военнопленные были обуты в рваные галоши, в простые деревянные подметки, стянутые ремешком. Отметим, что в циркуляре прописывалось обязательное требование к форме одежды используемых на работах военнопленных. В частности, указывалось, что у каждого военнопленного нижнего чина, отправляемого на работу, должны быть: мундир, шаровары, шинель, фуражка, сапоги – одна пара, рубах – 2, исподних брюк – 2, портянок – 3 пары и утиральник (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 534. Л. 438).

В Туркестанском крае в отношении вопросов обмундирования были разработаны внутренние правила. Для возмещения расходов на военнопленных Военным ведомством местный работодатель отчислял по 15 копеек за каждый рабочий день по числу используемых военнопленных, общая еженедельная сумма сдавалась уездному воинскому начальнику, который по мере необходимости одевал и обувал военнопленных.

Прием и размещение военнопленных обусловили множество проблем, в том числе и с трудоиспользованием. Разрешение на использование труда военнопленных выдавало Министерство путей сообщения. 16 сентября 1914 года Советом министров были утверждены «Правила о порядке предоставления военнопленных, для исполнения казенных и общественных работ, в распоряжение заинтересованных в том ведомств». Расписанный алгоритм предписывал следующие шаги: во-первых, заинтересованное ведомство информирует о содержании и месторасположении предстоящих работ; во-вторых, при согласии Военного министерства заинтересованное ведомство принимает военнопленных по списку и под конвоем сопровождает их к месту назначения; в-третьих, после передачи военнопленных заинтересованное ведомство полностью отвечает за их содержание и

снабжение; в-четвертых, контроль за военнопленными во время работы возлагается на начальника объекта, в случае специального запроса от ведомства конвой остается; в-пятых, на новом месторасположении военнопленные располагаются в бараках, в землянках, в случае отсутствия последних в квартирах, домах ближайшего селения; в-шестых, для работающих военнопленных устанавливается строгий рабочий график, обеспечивается полевая кухня, медицинская служба, строгая дисциплина (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 27).

20 сентября 1914 года в приказе командующего Омским военным округом говорилось о применении труда военнопленных только на казенных и общественных работах без всякого вознаграждения. Частные работы для военнопленных были под запретом. Власть озаботилась дисциплиной военнопленных, запретив им бесцельное шатание по городу, разрешение на выход из города – только в исключительных случаях. Ротные командиры обеспечивали повседневный строжайший контроль порядка вверенных им военнопленных.

Дополнительно в 1915 году были утверждены «Правила о порядке предоставления военнопленных для использования казенных и общественных работ в распоряжении заинтересованных в том ведомстве», «О допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами» и «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» (ЦГИА. СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 818. Л. 21. Копия).

Масштабная территория Российской империи в совокупности с природно-климатическими условиями обусловили в правилах использования военнопленных некоторые различия. «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы в имения Омского и Петропавловского уездов Акмолинской области», утвержденные акмолинским губернатором 1 апреля 1915 г., оговаривали, что продолжительность найма составляет не менее 3 месяцев. В течение всего срока работ пленные трудились с 4 часов утра до 8 часов вечера с четырехчасовым перерывом на обед и отдых. По взаимному соглашению размер зарплаты, выдававшейся на руки пленным, составлял от 9 до 12 р. в месяц (Кротт, 2011). В Туркестанском крае при отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы руководствовались циркуляром Главного управления землеустройства и земледелия № 29 «Условия отпуска военнопленных нижних чинов на сельскохозяйственные работы», утвержденным 28 февраля 1915 года. Опираясь на внутренние правила, при определении охраны в Туркестанском крае из караульной команды был выделен конвой в 5 %. Условия оплаты соблюдали параграфы 8 и 11 указанного выше циркуляра.

Сельскохозяйственно-территориальные организации, находившиеся в ведении заведующего переселенческим обществом, имели возможность использовать труд военнопленных, по преимуществу славян, для производства работ. Согласно правилам Семиреченской переселенческой организации, нуждающиеся в военнопленных подавали заявления в местное отделение Елизаветинского комитета, также могли обратиться к начальникам волостных управлений и начальникам переселенческих участков. Окончательное решение принимал уездный начальник. На сельскохозяйственные работы отпускали партиями не менее 25 человек каждому хозяину, и они находились под надзором полиции. Военнопленные предоставлялись для сельскохозяйственных работ исключительно за плату. Работодатель уплачивал каждому военнопленному за десятичасовой рабочий день по 25 коп. С разрешения заведующего с целью увеличения продуктивности работ могла быть введена поурочная оплата, а также увеличена оплата за переработку и за праздничное время (ЦГА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 534. Л. 427).

Отметим, что учреждения, выполнявшие посреднические услуги, не имели права задерживать заявления от желающих привлечь военнопленных на сельскохозяйственные работы, обязаны были проверять, действительно ли заявитель нуждается в привлечении военнопленных, оказывать содействие в организации рабочих групп из военнопленных, контролировать работодателей по выполнению ими условий и отчислений.

О широком применении труда военнопленных свидетельствуют факты. В Акмолинской области военнопленных предполагали использовать в казенных лесничествах Кокчетавского уезда, на рытье канав, кладке каменных стенок, заготовке камня, песка, порубке дорог, очистке леса от валежника и пр. Акмолинско-Семипалатинское Управление земледелия и государственного имущества нуждалось в 750 военнопленных. В городе Петропавловске на прокладку водопроводных труб к казенному консервному заводу, на устройство водоотводных канав, дренажей, планировку улиц требовалось до 800 человек. Областная типография Акмолинской области, испытывая недостаток рабочих, ходатайствовала в выделении военными властями русинов и военнопленных, знающих русский язык (ЦГА РК. Ф. 64. О. 1. Д. 1282. Л. 11, 62).

Военнопленных привлекали к строительству дорожного и железнодорожного полотен. В Туркестанском крае, в Пишпекском уезде, предполагались ремонтные работы дороги Георгиевское–Архангельское, Павловское–Курдай, Татьяновка–Сергиевское. В Семипалатинской губернии на строительство Риддерской горнозаводской железной дороги запросили около 800 военнопленных (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 11, 62). Она предназначалась для перевозки цинковых и свинцовых концентратов от Риддерского рудника к реке Иртыш города Усть-Каменогорска, а также для снабжения этого рудника и обогатительной фабрики топливом и другими

материалами, необходимыми для оборудования и эксплуатации Риддерского горного района. Тогда же в Семипалатинской губернии (ныне Восточно-Казахстанская область) была построена 62-километровая дорога, соединившая Катон-Карагайский и Курчумский районы, закрепив в топонимическом пространстве историю ее постройки и пребывание военнопленных: дорога получила название «Австрийская».

Военнопленные активно ассимилировались с местным населением, заводили семьи, и их потомки до сих пор живут в Казахстане. Хлебосольные граждане Российской империи оказывали максимальное содействие, подкармливая обессилевших военнопленных, оказывая помощь одеждой и работой.

Дополняют историю повседневного быта фрагменты устной истории, взятые из переписки военнопленных с родными, как, например: «Живется хорошо, отпускают на работы, получаем денежное вознаграждение, обращаются с нами человечно, кормят хорошо». «В деревнях занимаемся хозяйством, а в праздники ходим в лес по ягоды или ловим рыбу» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 212). Недовольство военнопленных чувствуется в понижении ежемесячной суммы казенных денежных выдач, составлявших 28 рублей: «Нужны свои деньги, но, избави бог, пользоваться услугами русских казенных учреждений, получение переводов опаздывает на целый месяц, через Сибирский же Торговый банк переводы идут нормально». Недовольство проявляли нижние чины, отозванные из деревень, тосковавшие в городских казармах, томящиеся от безделья: «В бараках ужасающая скученность, отвратительный воздух (в одном случае благодаря соседству скотобойни и фабрики), масса паразитных насекомых, загрязненная вода вызывает тифозные эпидемии». Режим содержания офицеров, по их мнению не соответствует их служебному званию, всюду и везде надзор и конвой, кажется, «нас скоро начнут водить на цепи»; «Еще кому и зачем-то понадобилось отдать приказ, чтобы офицеры сняли свои нашивки. Неграмотные невежды – русские и нам не разрешают читать газет» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 213-214).

Признание немецких офицеров: «Германский офицер не чувствует себя в неволе, т.к. свободно распределяет свой день, и каждая его часть занята или изучением языков английский, французский, итальянский, или игрой в шахматы, карты. В плену офицеры особенно довольны женщинами, которые очень приветливы, и «на пути своим отношением к пленным доставили им много веселых минут»; «Теперь главные предметы питания вода и хлеб, мясо дают золотникам. Губернатор предложил: «или сидите в деревнях и кормитесь на свои заработанные деньги, или ступайте на казенные хлеба в городскую казарму, где будете жить как в тюрьме. Теперь не имеем ни денег, ни пищи, здоровые могут заработать, но старики остаются голодными с 10-ю копейками на руках. Раньше получали 20 крейцеров теперь только 13, за эти деньги мужики отказываются кормить» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 213-214).

Есть жалобы на бытовые трудности и непосильные работы: «К военнопленным предъявляют требование исполнять работы, с которыми они вовсе не знакомы, работаем как невольники, с утра до вечера». Порой в письмах просят о присылке денег и теплой одежды к зимнему сезону, так как в Сибири на платье и обувь стоят чрезвычайно высокие цены. Другие просят родных не высылать деньги, т.к. тут не выдадут и половины суммы. «Обходятся с нами не как с братьями славянами: казаки ни за что ни про что хлещут нагайками, а солдаты бьют палками до синяков. С каждым новым поражением русских, положение пленных все более ухудшается» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 213-218). Военнопленные, работавшие в приграничной зоне, пытались бежать в Китай, о чем сообщал консул ШПарасумэ, указывая, что такие действия могут составлять нарушение нейтралитета Китая и привести к протестам со стороны Германского и Австрийского посланников в Пекине» (ЦГА РК. Ф. 64. О. 1. Д. 1282. Л. 228).

5. Заключение

Вопросы истории Первой мировой войны стали основой многих интересных исследовательских сюжетов, в число которых входят не только военные сражения, но и персональная история генералитета российской армии периода 1914–1918 гг., а также последующие события. Первая мировая война обусловила появление на территории Российской империи военнопленных немецкой и австро-венгерской армий, в том числе их размещение в границах Степного и Туркестанского генерал-губернаторств.

Историография истории военнопленных Первой мировой войны показывает, что это одна из самых активно разрабатываемых в Российской Федерации научных тем, однако слабо представленных в Казахстане и Центральной Азии, несмотря на количественные показатели, демонстрирующие их размещение в указанных административно-территориальных рамках. Анализ историографии проблемы показывает, что авторы приведенных в статье публикаций опираются на междисциплинарный подход, рассматривая микросюжеты и микроисторию Первой мировой войны, т.е. мы наблюдаем антропологизацию проблемы истории повседневности. Многочисленность и многообразие научно-тематических разработок по истории Первой мировой войне, в том числе по проблеме военнопленных, лишь усиливает актуализацию и необходимость ее исследования в Казахстане.

Таким образом, первые потоки военнопленных, прибывающих на территорию Российской империи, детерминировали выработку положений и внутренних нормативов с целью регламентации

прав и обязанностей, условий содержания и материального обеспечения военнопленных немецкой и австро-венгерской армий. Их размещение и последующие насущные вопросы, связанные с военнопленными, оказались делом хлопотным и затратным, т.к. все легло тяжким бременем на губернское руководство.

Первая мировая война всколыхнула национальный вопрос, в том числе этнизацию военнопленных, формирование т.н. «воображаемых сообществ», активизировала патриотический подъем и в то же время сочувствие к «братьям славянам», попавшим в русский плен.

Анализ структур повседневной жизни военнопленных позволяет утверждать, что особо важными являлись жилищный и финансовый вопросы, оказавшиеся достаточно сложными для правительства Российской империи ввиду значительного объема военнопленных и неготовности к их встрече в регионах. Трудоустройство военнопленных регламентировалось, принятыми правовыми нормами, обеспечением оплаты за выполнение или перевыполнение рабочего объема. Нормы общественного поведения военнопленных и определенные ограничения диктовались условиями военного времени. Фрагменты устной истории показали их недовольство условиями существования, а также наличие сложных вопросов, вызывающих адаптационные трудности.

Литература

Андерсон, 2011 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

Бергер, Лукман, 1995 – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знаний. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Блок, 1986 – Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.

Бодров, 2014 – Бодров А. Эльзас-лотарингцы между Францией и Германией накануне и в годы Первой мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. 2014. № 4. С. 157-167.

Бродель, 1986 – Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3-х т. М., 1986. Т. 1.

Гинзбург, 1996 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.

Гинзбург, 2000 – Гинзбург К. Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000. 271 с.

Джалилов, 2002 – Джалилов Ш. Эхо Первой мировой войны в Ходжентском уезде. Душанбе, 2002.

Котюкова, 2017 – Котюкова Т.В. Туркестанский плен: немецкие и австро-венгерские военнопленные в русском Туркестане в годы Первой мировой войны // *Россия и современный мир*. 2017. № 3 (96). С. 47-64.

Кротт, 2011 – Кротт И. Использование труда военнопленных в сибирской деревне в годы Первой мировой войны // Publishing house Education and Science. Роснаука. Научная конференция. Современные научные достижения. 2011. Серия «История». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusnauka.com/>. (дата обращения: 14.09.2021).

Людтке, 1999 – Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история*. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 77-100.

Мендикулова, Надежук, 2018 – Мендикулова Г., Надежук Г. Архивные документы о европейских военнопленных Первой мировой войны в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства (Case study) // *Вестник архивиста*. 2018. № 4. С. 9996-1008.

Нахтигаль, 2014 – Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142-156.

Ниманов, 2009 – Ниманов Б. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // *Вестник РУДН. История России*. 2009. № 2. С. 53-61.

Рокина, 2017 – Рокина Г. Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии // *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*. 2017. № 1 (9). С. 12-21.

СГА ДП ВКО – Специальный государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области.

Сенявская, 2009 – Сенявская Е. Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // *Вестник РУДН. История России*. 2009. № 4. С. 111-127.

Соза, 2017 – Соза Л. Военнопленные австро-венгерской и германской армий на территории Бронницкого уезда Московской губернии (1916–1917 гг.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота. 2017. № 3. Ч. 2. С. 166-171.

Суржикова, 2012 – Суржикова Н. Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. № 53/1. С. 247-266.

- Суржикова, 2015** – *Суржикова Н.* Военный плен в Российской провинции (1914–1922 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 550 с.
- Цветков, 2016** – *Цветков А.* Правовой статус иностранных военнопленных на территории России в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 202 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Шапошников, 1929** – *Шапошников Б.* Мозг армии. М.: Воениздат, 1927–1929. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/o/one/shaposhnikov1.rar> (дата обращения: 30.10.2019).

References

- Anderson, 2011** – *Anderson, B.* (2011). Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Per. s angl. V. Nikolaeva; Vstup. st. S. Ban'kovskoi. M.: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 288 p. [in Russian]
- Berger, Lukman, 1995** – *Berger, P., Lukman, T.* (1995). Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniy [Social Construction of Reality. Treatise on the sociology of knowledge]. M.: Medium, 323 p. [in Russian]
- Blok, 1986** – *Blok, M.* (1986). Apologiya istorii ili remeslo istorika [Apology of history or the craft of a historian]. M.: Nauka, 256 p. [in Russian]
- Bodrov, 2014** – *Bodrov, A.* (2014). El'zas-lotaringtsy mezhdru Frantsiei i Germaniei nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny [Alsace-Lorraine between France and Germany on the eve and during the First World War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 4: 157-167. [in Russian]
- Brodel', 1986** – *Brodel', F.* (1986). Struktury povsednevnosti: Vozmozhnoe i nevozmozhnoe [Structures of Everyday Life: Possible and Impossible]. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV – XVIII vv. v 3-kh t. M. T. 1. [in Russian]
- Dzhalilov, 2002** – *Dzhalilov, Sh.* (2002). Ekho Pervoi Mirovoi voyny v Khodzhenstskom uезде [The echo of the First World War in Khodzhenstsky district]. Dushanbe. [in Russian]
- Ginzburg, 1996** – *Ginzburg, K.* (1996). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: two or three things that I know about it]. *Sovremennyye metody prepodavaniya noveishei istorii.* M. [in Russian]
- Ginzburg, 2000** – *Ginzburg, K.* (2000). Syr i chervi: Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshogo v XVI v. [Cheese and worms: A picture of the world of a miller who lived in the 16th century]. M.: ROSSPEN. 271 p. [in Russian]
- Kotyukova, 2017** – *Kotyukova, T.V.* (2017). Turkestanskiy plen: nemetskie i avstro-vingerskie voennoplennyye v russkom Turkestane v gody Pervoi mirovoi voyny [Turkestan captivity: German and Austro-Hungarian prisoners of war in Russian Turkestan during the First World War]. *Rossiya i sovremennyyi mir.* 3(96): 47-64. [in Russian]
- Krott, 2011** – *Krott, I.* (2011). Ispol'zovaniye truda voennoplennykh v sibirskoi derevne v gody Pervoi mirovoi voyny [The use of labor of prisoners of war in the Siberian village during the First World War]. Publishing house Education and Science. Rosnauka. Nauchnaya konferentsiya. *Sovremennyye nauchnye dostizheniya – 2011. Seriya istoriya.* [Electronic resource]. URL: <http://www.rusnauka.com/> (date of access: 14.09.2021). [in Russian]
- Lyudtke, 1999** – *Lyudtke, A.* (1999). Chto takoe istoriya povsednevnosti? Ee dostizheniya i perspektivy v Germanii [What is the history of everyday life? Her achievements and prospects in Germany]. *Sotsial'naya istoriya.* Ezhegodnik, 1998/99. M. Pp. 77-100. [in Russian]
- Mendikulova, Nadezhuk, 2018** – *Mendikulova, G., Nadezhuk, G.* (2018). Arkhivnyye dokumenty o evropeiskikh voennoplennykh Pervoi mirovoi voyny v Semirechenskoй oblasti Turkestanskogo general-gubernatorstva (Case study) [Archival documents on European prisoners of war of the First World War in the Semirechensk region of the Turkestan Governor General (Case study)]. *Vestnik arkhivista.* 4: 9996-1008. [in Russian]
- Nakhtigal', 2014** – *Nakhtigal', R.* (2014). Voennoplennyye v Rossii v epokhu Pervoi mirovoi voyny [Prisoners of war in Russia during the First World War]. *Quaestio Rossica.* 1: 142-156. [in Russian]
- Nimanov, 2009** – *Nimanov, B.* (2009). Soderzhanie inostrannykh voennoplennykh na territorii Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [The detention of foreign prisoners of war on the territory of Russia during the First World War]. *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii.* 2: 53-61. [in Russian]
- Rokina, 2017** – *Rokina, G.* (2017). Avstro-vingerskie plennyye Pervoi mirovoi voyny v uездnykh gorodakh Kazanskoй gubernii [Austro-Hungarian prisoners of the First World War in the county towns of the Kazan province]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki».* 1(9): 12-21. [in Russian]
- Senyavskaya, 2009** – *Senyavskaya, E.* (2009). Narody Avstro-Vengrii v Pervoi mirovoi voine glazami russkogo protivnika [The peoples of Austria-Hungary in the First World War through the eyes of the Russian enemy]. *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii.* 4: 111-127. [in Russian]

SGA DP VKO – Spetsial'nyi gosudarstvennyi arkhiv Departamenta politzii Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti [Special State Archive of the Police Department of the East Kazakhstan region].

Shaposhnikov, 1929 – Shaposhnikov, B. (1929). Mozg armii [The brain of the army]. M.: Voengiz, 1927–1929. [Electronic resource]. URL: <http://militera.lib.ru/science/o/one/shaposhnikov1.rar> (date of access: 30.10.2019). [in Russian]

Soza, 2017 – Soza, L. (2017). Voennoplennye avstro-vengerskoi i germanskoi armii na territorii Bronnitskogo uezda Moskovskoi gubernii (1916–1917 gg.) [Prisoners of war of the Austro-Hungarian and German armies on the territory of the Bronnitsky district of the Moscow province (1916–1917)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (vkhodit v perechen' VAK)*. Tambov: Gramota. № 3. Ch. 2. Pp. 166–171. [in Russian]

Surzhikova, 2012 – Surzhikova, N. (2012). Rossiiskii plen 1914–1917 gg. kak prostranstvo politiko-ideologicheskikh manipulyatsii [Russian captivity 1914–1917. as a space for political and ideological manipulations]. *Cahiers du Monde Russe*. 53/1: 247–266. [in Russian]

Surzhikova, 2015 – Surzhikova, N. (2015). Voennyi plen v Rossiiskoi provintsii (1914–1922 gg.) [War captivity in the Russian province (1914–1922)]. Dissert. na soisk. uch. st. d.i.n. ... Ekaterinburg, 550 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Tsvetkov, 2016 – Tsvetkov, A. (2016). Pravovoi status inostrannykh voennoplennykh na territorii Rossii v period Pervoi Mirovoi voiny (1914–1918 gg.) [The legal status of foreign prisoners of war in Russia during the First World War (1914–1918)]. Dissert. na soisk. uch. st. k.yur.n...Omsk, 202 p. [in Russian]

Повседневность военнопленных Первой мировой войны в условиях Азиатской России

Ерлан Батташевич Сыдыков ^a, Думан Рамазанович Айтмагамбетов ^a,
Альбина Советовна Жанбосинова ^{a,*}, Ерлан Ерназарұлы Сайлаубай ^a

^a Евразийский Национальный университет им. Л. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Аннотация. В статье авторы рассматривают вопросы истории Первой мировой войны, а именно сюжеты, связанные с размещением военнопленных немецкой и австро-венгерской армий в Азиатской России, в административно-территориальных границах Степного и Туркестанского генерал-губернаторств. На основе архивных материалов из фондов Центрального государственного архива Казахстана, Специального государственного архива Департамента полиции вводятся новые факты, позволяющие рассмотреть повседневную историю военнопленных, разрешение социальных, жилищных вопросов; также размещение и трудоустройство, в том числе фрагменты устной истории, демонстрируют восприятие плена самими военнопленными; случайно обнаруженные фотографии вскрывают ранее неизвестные факты визуальной истории.

Тема военнопленных Первой мировой войны, несмотря на их размещение на территории Степного и Туркестанского генерал-губернаторств Российской империи, не получила активного исследовательского импульса в связи с таким более масштабным событием, как национально-освободительное движение 1916 года. В работе приводятся статистические данные о военнопленных, размещенных на указанной территории, в том числе и в городах. Рассмотрены проблемы с расквартированием прибывающих военнопленных и их размещением; показаны внутренние противоречия и противостояние в среде военнопленных на почве этнизации и формирования «славянского сообщества военнопленных» не без помощи общественных организаций Российской империи. Авторы выявили структуры повседневной жизни военнопленных, показав житейские заботы плененных офицеров и рядового состава. Военная обстановка детерминировала особые условия и правовые нормы в отношении правил проживания и трудоустройства военнопленных, регламентация которых регулировалась дополнительно принимаемыми приказами и распоряжениями генерал-губернаторов. Следует отметить, что повседневность военнопленных рассматривалась через призму взаимодействия с принимающим обществом, где патриотизм переплетался с сопереживанием и поддержкой прибывающих военнопленных.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, Казахстан, Средняя Азия, повседневность, адаптационные практики.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sovetuk@rambler.ru (А.С. Жанбосинова), rector@enu.kz (Е.Б. Сыдыков), dumanad@mail.ru (Д.П. Айтмагамбетов), alashorda100@mail.ru (Е.Е. Сайлаубай)